

УДК 82-32

СОЛЯРНЫЕ И ЛУНАРНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ

И.А. БУНИНА «СЫН»¹

Губская А.Р.

студент,

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

Россия, Калуга

Иванова В.Д.

студент,

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

Россия, Калуга

Аннотация: Статья посвящена анализу рассказа И.А. Бунина «Сын» в аспекте мифопоэтики. Цель исследования – выявить, как противопоставление солярного (солнечного) и лунарного (лунного) архетипов определяет систему персонажей, сюжетную логику и фатальный исход событий. В статье доказывается, что Бунин, опираясь на древние космогонические мифы, переосмысляет классическую схему: носителями «солнечных» черт выступают господин Маро и Эмиль, а «лунных» – госпожа Маро, что приводит к трагическому столкновению порядка и страсти, разума и подсознания. В работе показано, что запретная связь, смоделированная как союз Солнца и Луны, неизбежно заканчивается гибелью лунарной героини, сожжённой «сыном-солнцем».

Ключевые слова: мифотворчество, И.А. Бунин, солярные мотивы, лунарные мотивы, «Сын».

SOLAR AND LUNAR MOTIFS IN I.A. BUNIN'S SHORT STORY "SON"

¹ Научный руководитель – Высокович К. О. Кандидат филологических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
Supervisor – Vysokovich K. O. Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor, Kaluga State University in the name of K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

Gubskaya A.R.

Student,

*Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Russia, Kaluga*

Ivanova V.D.

Student,

*Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Russia, Kaluga*

Abstract: The article is devoted to the analysis of I.A. Bunin's short story "Son" in the aspect of mythopoetics. The purpose of the study is to identify how the juxtaposition of solar and lunar archetypes determines the character system, plot logic, and fatal outcome of events. The article proves that Bunin, relying on ancient cosmogonic myths, rethinks the classical scheme: Mr. Maro and Emil are the bearers of "solar" traits, while Mrs. Maro embodies the "lunar" principle, which leads to a tragic clash of order and passion, reason and subconsciousness. The paper shows that the forbidden relationship, modeled as the union of the Sun and the Moon, inevitably ends with the death of the lunar heroine, burned by the "son-sun".

Keywords: myth-making, I.A. Bunin, solar motifs, lunar motifs, "Son"

Творчество Ивана Алексеевича Бунина отличается глубоким интересом к вечным тайнам человеческой жизни. Среди них – смерть, любовь, память. Его художественный мир, при всей его реалистичности, часто строится на сложной мифологической основе. Исследователи неоднократно отмечали, что Бунин, даже будучи приверженцем классической традиции, создавал тексты, которые «не укладываются ни в одну из наработанных литературоведческих и культурологических схем» и в которых «реалистические механизмы во многих случаях "не работают"» [8, с. 130]. Обращение к мифам и архетипическим моделям позволяет Бунину возвысить частную историю до уровня вечных, общечеловеческих тем. В рассказе «Сын» эти темы выражаются через противопоставление солярного (солнечного) и лунарного (лунного) мифов, которые воплощаются в образах главных героев и определяют фатальный исход событий.

Выбор в качестве предмета нашей работы рассказа «Сын» обоснован тем, что именно он стал отправной точкой формирования главной черты любовной прозы Бунина – смены социальных ролей внутри романтических отношений, а именно положение женщины как активного начала. В тексте данная проблематика рассматривается через призму солярных и лунарных мотивов и получает новое освещение в авторских произведениях дореволюционного периода. Неизбежность наказания за осуждаемые социумом отношения дополняет проблематику и связывает «Сына» с классическим сюжетом солярных и лунарных мифов народов мира.

Ранее к теме солнечного и лунного начал в творчестве Бунина обращались немногие: так, подробно рассказала историю создания рассказа «Сын» Марченко Татьяна Вячеславовна в своей статье «Рассказать по-своему известную историю», однако тематика луны и солнца там затронута не была. В своей работе «О смысле человеческого существования в творчестве И. А. Бунина» Никонова Тамара Александровна рассуждала о том, что Иван Алексеевич прибегал к мифологии разных культур в своих произведениях. Об этом же писала и Наталья Викторовна Пращерук в статье «"Реалистический" вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина», отмечая склонность Бунина к символизму.

Солярные мифы – это мифологизация Солнца и его воздействия на земную жизнь. В древних культурах Солнце часто ассоциируется с мужским, активным началом, с разумом, порядком, властью и жизненной силой. Солярные божества (как, например, Аполлон в греческой мифологии) часто выступают как покровители закона, искусства и света, побеждающего тьму [9, с. 461-462].

Лунарные мифы связаны с Луной и ее циклами. Луна в мифологическом сознании обычно соотносится, напротив, с женским, пассивным началом, с подсознанием, эмоциями, а также тайной, изменчивостью и смертью. Лунный цикл (рождение, рост, убыль и исчезновение) становится универсальной моделью для осмысления времени, судьбы и всего человеческого существования. Важнейшей чертой лунарной мифологии является ее связь с

темой смерти и последующего возрождения, а также с областью сновидений, видений и гипнотического транса [9, с. 610]. В литературе, особенно эпохи модернизма, к которой некоторые исследователи относят и творчество Ивана Алексеевича, эти архетипические противопоставления (солнце и луна, день и ночь, мужское и женское, жизнь и смерть) используются для создания сложных образов и раскрытия подсознательных мотивов поведения персонажей.

Рассказ «Сын» впервые был опубликован в 1916 году в журнале «Северные записки» и вошел в сборник «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915-1916 гг.». Известно, что в основе сюжета лежит реальное уголовное дело, получившее во Франции название «l'affaire de Chambige» («Дело Шамбижа»). В 1888 году в Алжире, недалеко от Константины, студент Анри Шамбиж был обнаружен раненым рядом с телом замужней дамы Мадлен Грий. По одной версии, это была попытка двойного самоубийства, по другой – убийство, совершенное под влиянием гипноза или наркотиков. Это дело, в котором переплелись криминал и литературное влияние (так как обвиняемый был поэтом и поклонником декадентской литературы), вызвало огромный резонанс во французском обществе и нашло отражение в творчестве нескольких писателей, например, Поля Бурже в романе «Ученик» [7, с. 619].

Бунин, будучи знакомым с этой историей, вероятно, из публикаций в старых французских журналах, которые он любил читать во время своих путешествий, ставил перед собой задачу не просто поделиться криминальным случаем, а «рассказать по-своему известную историю». Он смещает акцент с фигуры молодого человека-«поэта» на внутренний мир и трагедию женщины, углубляясь в «психологические основы» дела [7, с. 617].

Помимо ссылки на дело мадам Грий, историческим фактом в дневниках тех лет стала творческая потерянности Бунина в январе 1914: «лень писать», «отчаяние – нечего писать!» и подавленность самоубийством Куровского в середине 1915. За весь 1916 год в дневниках не было ни одного упоминания о литературном процессе, только деревенские встречи, дела, охота. Тем не менее,

там всё же есть кое-что интересное: в его дневниковых записях часто встречаются упоминания солнца и луны. Эти небесные тела с детства завораживали его. Так, 29 декабря 1885 года, с трепетом рассказывая детское воспоминание, он делает акцент на луне: «Почему-то мне вдруг вспомнилось давно, давно, когда я еще был лет пяти, ночь летняя, свежая и лунная... Я был тогда в саду... И снова все перемешалось... Я глядел в угол. Луна по-прежнему бросала свой мягкий свет» [4, с. 21]. 22 октября 1917 года он пишет: «Луна – зеркало Солнца» [4, с. 168]. Эти размышления о солярном и лунарном нашли свое отражение и в его творчестве. В рассказе «Чистый понедельник» главный герой и его возлюбленная накануне своего неожиданного расставания гуляют под полной луной. Луна и предвещает им разлуку, явившись героине черепом. Рассказ «Поздний час» включает в себя слова: «И я пошел по мосту через реку, далеко видя все вокруг в месячном свете июльской ночи», «месяц был слева от меня, довольно далеко над низкой рекой, и в его зыбком свете и в мерцающем, дрожащем блеске воды белел колесный пароход», «я шёл, большой месяц тоже шёл, катясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным кругом» [2, с. 30-31]. Этот же образ ночного светила присутствует и в «Последнем свидании»: «В луже возле него зеленовато отражалась неполная луна, в лунный осенний вечер. Мерин, разбив копытом луну в луже, тронул бодрой иноходью, Луна, яркая и точно мокрая, мелькала по голым верхушкам» [3, с. 70]. Образ солнца в творчестве Бунина присутствует реже, однако не менее значим. В рассказе «Солнечный удар» солнце – главный символ, который постепенно меняет окраску: в начале светило олицетворяет радостный свет, жизнь и любовь. В середине произведения героиня говорит о затмении, о солнечном ударе. В конце же солнце есть, но оно «бесцельное»: главный герой лишается смысла жизни.

В рассказе «Сын» Иван Алексеевич повествует о семье Маро из города Константина. Их брак, начавшийся довольно счастливо, за четырнадцать лет превратился в размеренное, лишённое страсти существование. Госпожа Маро –

образцовая хозяйка и мать двух дочерей, но в ее душе живет неутоленная тоска по сыну. Господин Маро же полностью погружен в работу.

После смерти юной невесты Элизы, сестры давней знакомой Маро, в Константинополе приезжает девятнадцатилетний брат покойной Эмиль Дю-Бюи. Молодой человек, «почитавший себя прирожденным поэтом» [1, с. 295], становится частым гостем в доме Маро. Поначалу госпожа относится к нему с материнской нежностью, но постепенно его восторженная влюбленность вызывает в ней ответное чувство. Она «похорошела», в ней проснулась «чисто женская радость» [1, с. 295].

Любовь Эмиля становится всё более навязчивой. Госпожа Маро пытается образумить его, называя его «сыном», но это не помогает. После его отъезда она тяжело переживает разлуку, ее одолевают мрачные мысли. Неожиданно вернувшись, Эмиль застаёт ее в саду в состоянии, близком к обмороку. В этот день происходит их роковое свидание на вилле Хашим. Госпожа Маро заявляет, что они не могут жить «после этого», и просит у него совместного самоубийства. Она сама приставляет дуло револьвера к своему виску, и Эмиль совершает выстрел. После ее смерти он сходит с ума, не в силах покончить с собой.

Бунин выстраивает систему персонажей, опираясь на мифологическое противопоставление солярного и лунарного начал. Господин Маро и Эмиль Дю-Бюи, хоть они и не похожи на первый взгляд, оба несут в себе черты солярного архетипа, тогда как госпожа Маро целиком принадлежит лунарному.

Господин Маро – воплощение разума, порядка, стабильности и земной жизни, что традиционно связывается с солнечным началом. Среди его «солярных» черт первостепенно следует выделить прагматизм и любовь к порядку: «у него время было наполнено работами, – он оставался все тем же и страстным и трезвым, каким был и прежде» [1, с. 293]. Его жизнь подчинена службе, он – оплот семьи и социального статуса.

Его внешность также ассоциируется с солнцем и жаркими странами: «За четырнадцать лет Маро очень изменились по внешности: он стал черен лицом,

как араб, поседел и подсох, многие принимали его за уроженца Алжирии» [1, с. 293]. Его загорелая, сухая кожа показывает полное слияние с миром ясного, дневного быта.

Важно отметить рациональное восприятие мира господина Маро: Он «был спокоен и убежден, что душа ее безмятежна и открыта для него» [1, с. 294]. Мы видим, что он даже не способен постичь таинственную природу душевных терзаний жены, которые он впоследствии назовет «странным и непонятым недугом» [1, с. 298]. Его взгляд на мир лишен тайн и мистических прозрений.

«В ранней истории всех народов мы видим, что Солнце и Луна считались антропоморфными существам» и «тем или иным образом связаны родством или брачными узами» [10, с. 14]. Этот союз – вечный итог существования двух противоположностей. Будь то брат с сестрой, отец с дочерью или мать с сыном – они все равно становятся супругами. Например, в славянских верованиях есть миф, в котором Солнце и Луна были братом и сестрой, но не были знакомы; когда они выросли, то полюбили друг друга и захотели пожениться. Но, так как миф является отражением для всех природных явлений, утверждает социальные нормы и ценности, любая запретная связь обречена на трагичный финал: мать прокляла их, и с тех пор Солнце и Луна встречаются только раз в году во время летнего солнцестояния.

Эмиль Дю-Бюи является персонажем, в честь которого назван рассказ. Именно он влюбляется во взрослую замужнюю женщину, признается ей в чувствах, несмотря на просьбы госпожи Маро, возвращается, что приводит к трагическому финалу: «Да, я точно с неба упал в Константинопу! – рассказывал он. – Я приехал потому, что понял, что сами силы небесные не могут остановить меня» [1, с. 299]. Фатальное влияние на развертывающийся сюжет – его главная «солярная» черта как активного начала, исполненного жизненной силы. Однако, сам факт возвращения Эмиля, по мнению Г.Н. Ермоленко, «говорит о нарастании в произведениях Бунина “мифологического начала”» [6, с. 48], ведь мифологическое время не линейно, а циклично.

Эмиль как персонаж проявляет удивительную двойственность: выступая носителем «солярных» черт, он однако не лишен и «лунарных»: как Син (Нанна), бог Луны в шумеро-аккадской мифологии, или Хонсу, бог Луны в египетской мифологии, он выступает в качестве редкого мифологического «лунарного» мужского образа. В качестве его «лунарных», женственных черт можно выделить его внешность – «волосы у него были красивые, коричневые и шли к его бледному лицу, равно как и черная одежда; но бледность эта была слишком бескровная, с желтым налетом; глаза у него постоянно блестели, от изможденного лица казались лихорадочными; и так суха и плоска была его грудь, так тонки ноги, так худы руки...» [1, с. 295]. Мечты «походить на поэта», попытки «с какой-то сомнамбулической выразительностью, читать странные, но звучные стихи» [1, с. 295], все это не естественно для Эмиля, но отражает его внутреннее стремление к поэтическому «лунарному» образу.

Стараясь в обществе «быть загадочным, небрежным, порой изящно-дерзким, порой презрительно-рассеянным и во всем независимым», он «уж слишком часто не доигрывал ролей, срывался и начинал говорить с какой-то наивной откровенностью и поспешностью» [1, с. 295], выдавая свою юность. Он не берет на себя ответственность за чувства, оставляя все решения за госпожой Маро: именно она изгоняет его, целует, и, наконец, принимает решение о самоубийстве. Эмиль же остаётся в этой истории наивным пассивным ребенком, не выходя за рамки своей роли «сына», что так же является «лунарной» чертой.

На его «солярную» природу указывает связь с солнцем внутри произведения. Эмиль Дю-Бюи оба раза приезжает в Константинополе весной, когда солнце приобретает наибольшую силу в Италии. Стоит обратить внимание и на то, как прервалось его самоубийство: «Я, шатаясь, встал, чтоб покончить с собой. Но в комнате, несмотря на жалюзи, было светло, я резко видел в этом свете ее уже побледневшее лицо... И тут мной вдруг овладело безумие, я бросился к окну, раскидал, распахнул ставни, стал кричать и стрелять в воздух...» [1, с. 302].

Именно солнечный свет, озаривший страшную сцену, приводя героя в безумие, спасает ему жизнь.

Противоестественная тяга к своей противоположности – Луне, характеризует героя как Солнце в контексте распространенных космогонических мифов, а также мифа об Эдипе, в котором сын тянется к своей матери, как мужчина к своей противоположности – женщине.

Госпожа Маро – главная трагическая фигура всего произведения. И в этом образе жертвы запретного чувства и заключена ее главная «лунарная» черта.

Раскрытие ее образа начинается с описания внешности: «в ней чувствовалась примесь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, при темных волосах глаза у нее были серо-синие» [1, с. 293]. Героиня, у которой теперь «в волосах серебрилось, тоньше, золотистее стала кожа, похудели руки» [1, с. 293] тянется к давно ушедшей молодости, олицетворением которой становится весенний юноша, так похожий на ее представления о сыне, которого она никогда не имела. И в миг «легче и быстрее стала походка г-жи Маро, чуть-чуть наряднее ее туалеты, ласковей и насмешливей оттенки ее голоса» [1, с. 295], в душе ее поселяется «капля чисто женской радости, что вот есть человек, которым можно слегка повелевать, с которым можно говорить с полушутливой наставительностью, с той свободой, что так естественно допускалась разницей в годах, и который так предан всему ее дому, где, однако, первым лицом была для него она» [1, с. 295]. Госпожа Маро становится от чувств Эмиля олицетворением архетипа Лунной Богини-Матери – влиятельной и повелевающей.

Еще одна «лунарная» черта героини, проходящая через все произведение – восприимчивость. Еще в начале рассказа господин Маро упоминает один случай, случившийся по приезде супругов в Тунис: «араб-фокусник так быстро и глубоко усыпил ее, что она насилу пришла в себя» [1, с. 294].

В мифологии Солнце по отношению к Луне зачастую действует губительно. Так, переезд в Алжирию, «нешадно палимую солнцем», становится для героини началом конца. Не вынося солнечных лучей, героиня прячется в «парадных комнатах, всегда полутемных от закрытых жалюзи» или «семейных покоях, тенистых и прохладных» [1, с. 293-294]. Пребывание героини в тени своего мужа и дома, вероятно, могло бы продолжаться еще долгие годы, но пришедшее к ней одной весной юное солнце сжигает ее своей пылкой любовью. Ощувив вновь окрыляющее чувство, героиня, забывшись, в роковой день выходит в ясное утро, где «пристально глядя широко раскрытыми глазами на яркую серебряную искру, которой горела на солнце ложечка в стакане с водой, потеряла сознание. Когда же внезапно очнулась, –над ней стоял Эмиль» [1, с. 299].

Госпожа Маро уже в этот момент осознает, что единственный исход запретной любви – смерть. Она надевает свой саван – «легкое светло-серое платье с оттенком ириса» и идет навстречу судьбе и своему «сыну» «с какой-то непонятной улыбкой» [1, с. 300]. «Она сама приставила дуло к виску. Я хотел выстрелить, она остановила меня: – Нет, нехорошо, дай я поправлю. Вот так, дитя мое... А потом перекрести меня и положи мне цветы на грудь...Когда я выстрелил, она сделала легкое движение губами. Я выстрелил еще раз...» [1, с. 302]. Луна погибает, сожжённая Солнцем.

В древнегреческих лунарных мифах богиня луны Артемида (Диана) приносит в жертву нарушителя запрета. Как писала Г.Н. Ермоленко: «роковая развязка прочитывается как наказание, принесение в жертву героя» [5, с. 40]. Эмиля Дю-Бюи так или иначе настигает наказание, однако гибнет именно героиня, что показывает новаторство в изложении известного мифа Буниным.

Рассказ «Сын» стал примером феномена мифотворчества в работах Ивана Алексеевича и соответствует всем канонам классического астрального мифа. Герои, выступая как «лунарные» и «солярные» начала, в своем взаимодействии, продиктованном их природой, создают типичные сюжеты – солнце полюбило

луну и уничтожило ее этой любовью; мать, испытав противное божественным и природным законам чувство к сыну, совершает самоубийство. Слияние этих сюжетов создает нечто новое – современный миф, исполненный тонкого психологизма и удивительных образов.

Библиографический список

1. Бунин, И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Том 4. Воды многие (1914-1926); Грамматика любви (1914-1926). — М.: Воскресенье, 2006 – 536 с.
2. Бунин, И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Том 6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938–1953); Рассказы последних лет (1931–1952); «Окаянные дни» (1935). – М.: Воскресенье, 2006. – 488 стр. с ил.
3. Бунин, И.А. Собрание сочинений в девяти томах. Том 4 : Повести и рассказы 1912-1916. – Художественная литература, 1966. – 500 с.
4. Бунин, И. А. Устами Буниных : Дневники. Том 1. — Франкфурт-на-Майне : Посев, 1977 – 369 с.
5. Ермоленко, Г. Н. Античный миф в структуре цикла И. Бунина «Темные аллеи» / Г. Н. Ермоленко. — Текст : непосредственный // Известия Смоленского государственного университета. — 2017. — № 4(40). — с. 37-43.
6. Ермоленко, Г. Н. Мотив возвращения в рассказах И.А.Бунина 1911-1914 гг. / Г. Н. Ермоленко. — Текст : непосредственный // Алфавит. Строение повествовательного текста : сборник. — Смоленск : СГУП, 2004. — с. 48.
7. Марченко, Т. В. Рассказать по-своему известную историю: “Сын” И.А.Бунина и его криминально-литературный контекст / Т. В. Марченко. — Текст : непосредственный // *Revue des études slaves*. — 2022. — № 4. — 22 с.

8. Пращерук, Н. В. "Реалистический" вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина / Н. В. Пращерук // — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
9. Токарев, С.А. Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. // С. А. Токарев. — М.: Большая Российская энциклопедия, М68 2003. – 1147 с.
10. Уильям, Олкотт. Мифы о солнце / Олкотт Уильям. — Париж : Центрполиграф, 2013.